

Искусственный интеллект и живая вера. Уралов, Чадаев, Ускова

Подкаст Алексея Чадаева, Семёна Уралова

**Гость выпуска - предприниматель, основатель и президент группы компаний «Когнитивные Технологии»
[Ольга Ускова](#)**

[Youtube](#)

[Rutube](#)

[Видео на тг-канале Семёна Уралова](#)

[Аудио на тг-канале Семёна Уралова](#)

[Аудио VK](#)

[Аудио ЧП-94 на podster.fm](#)

Иван Князев. Дорогие друзья, рад всех приветствовать. С вами «[Чистота понимания](#)». Это площадка для умных и образованных людей, а также для тех людей, у кого интеллект не искусственный. Спасибо, что вы с нами.

Нас найти несложно в [Рутубе](#), в [Ютубе](#), в [ВК](#) мы есть. Поэтому смотрите, ставьте лайки. Это площадка, где мы самые острые и самые интересные темы обсуждаем с самыми интересными экспертами нашей страны и всего мира.

Меня зовут Иван Князев. Позвольте представить наших постоянных ведущих. [Алексея Чадаева](#).

Алексей Чадаев. Всем добра.

ИК. Политолога, журналиста. И [Семена Уралова](#).

Семен Уралов. На посту.

ИК. Политолога, журналиста, писателя. А в гостях у нас сегодня Ольга Ускова. Ольга Анатольевна, здравствуйте.

Ольга Ускова. Всем здравствуйте.

ИК. Российский предприниматель, основатель и президент группы компании Cognitive Pilot. Все правильно? Эта компания — разработчик технологии искусственного интеллекта. Я не зря сказал — для тех, у кого интеллект сегодня не искусственный.

Ну и понятно, что поговорить мы сегодня хотели бы как раз-таки об искусственном интеллекте. Какие возможности у России есть на рынке искусственного интеллекта? В какой точке мы сейчас находимся? В том числе, кстати, возможности в сфере безопасности. Я думаю, Алексей

и Семен сейчас тоже свои тезисы на стол положат. Алексей, я думаю, про беспилотие искусственного интеллекта с большим интересом расскажет и спросит много всего.

Ну и отдельно, как вообще сейчас искусственный интеллект проникает вообще в разные сферы нашей жизни — в литературу, потому что мы знаем, что вы еще и писатель, в образование, это уже, может быть, больше меня касается. И вообще в какой точке мы сейчас находимся? Я посмотрел, интересные данные есть. К 2030 году наше государство ставит цель — вклад искусственного интеллекта в ВВП порядка 11 триллионов рублей. Это достижимая цель? Это много или мало?

ОУ. Зависит от состояния государства.

АЧ. Я думаю, для начала надо все-таки определиться, как всегда, с понятиями. У нас в рубрике «Чистота понимания» есть фирменная подрубрика «Чисто по понятиям». И сейчас словосочетание «искусственный интеллект» как только ни используют, кто только как только его ни склоняет.

ИК. Это да.

АЧ. И при этом действительно мы видим — особенно после того, как LLM-ки широко вошли в нашу жизнь — мы видим, как он стремительно проникает именно в бытовой уровень. Достаточно вспомнить, что в Минобрнауки уже высказывается, что надо вообще просто дипломы отменить.

ИК. Да, мы сейчас тоже думаем об этом.

АЧ. Да, потому что — всё.

ИК. Бессмысленно.

АЧ. Бессмысленно, да. До такой степени. Мы видим, как граждане активно осваивают. Уже все выучили словосочетание «AI-агент», завели себе оркестр разнообразных агентов под разные задачи: кто капусту стрижет, кто картошку чистит. А тем временем начальство показывает — в том числе и [вы поучаствовали зимой](#) — в выставках всяких беспилотных самобеглых тележек — едущих, плавающих, таких сяких, эдаких.

На полном серьезе говорят, что скоро человек за рулем будет экзотикой, потому что транспорт будет сплошь беспилотным. Все-таки машины, управляемые роботами, все еще плохо сочетаются с машинами, управляемыми людьми. Но пока первых меньше, а скоро будет наоборот. И такой есть разговор.

А в то же самое время нас грузят апокалиптическими прогнозами о том, что — вот, сильный AI, скоро мы все вообще будем не нужны. Скоро нас вообще всех отменят и заменят совсем. Мы столкнулись с каким-то невиданным вызовом.

ИК. А еще [манифест Карпа](#). Само собой, война. Прямо сейчас, когда мы записываем эту беседу, над трассой Мариуполь-Мелитополь летают «хорнеты» и, как раз-таки с помощью машинного зрения, без всякого оператора выбирают себе цели. А ушлые водители красят «зеброй» свои фуры для того, чтобы заставить этот самый алгоритм ошибаться. Потому что все-таки он, конечно, интеллект, но пока еще относительно тупенький. Но стремительно прогрессирует, как мы понимаем.

Тема острая, тема больная. В ней много и надежд, и страхов, одни мечтают сказочно

обогащаться, другие ждут конца света, третьи пытаются понять, куда нести деньги, четвертые пытаются о чем-то договориться с колонкой Алиса.

ИК. Я, в частности, частенько разговариваю.

АЧ. Да такое тоже упражнение.

ИК. Правда, по разным темам.

СУ. Меня в свою очередь интересует в сегодняшней нашей теме — что есть русский искусственный интеллект, чем он будет отличаться. И второе — это применение искусственного интеллекта в рамках [КОГНИТИВНОЙ ВОЙНЫ](#). Это моя традиционная профдеформация.

И меня из этой сферы интересует, когда маркетинговый весь шум пройдет, что останется как действительный инструмент ежедневный. Мы этих пузырей на рынке информационных технологий видели множество.

АЧ. Давно живем.

СУ. Да, давно живем. Еще с конца 90-х. Но все время — маркетинг осыпается потом, когда все пузыри сдуваются, а что-то остается. Мне интересны эти три аспекта, это то, что мне важно.

ИК. Ольга, слышал такое мнение, одного ученого, не помню фамилию, который говорил, что действительно искусственный интеллект и вся шумиха вокруг него — это такой пузырь, который растет, растет, растет и лопнет. Вот лопнет ли он?

ОУ. Даже странно сейчас про это говорить. На огромной территории — все небо в искусственном интеллекте, весь пол в искусственном интеллекте. Что там лопнет? Ну, страны лопнут. Я вас послушала...

ИК. Это мы так, контур беседы обозначили.

ОУ. Да, контур обозначили, поскольку исходные были, что у вас программа для умных.

ИК. И образованных.

ОУ. И образованных.

АЧ. Можно всегда уйти во вторую категорию.

ОУ. Давайте все-таки по существу. Я хочу сказать, что искусственный интеллект – это новая отрасль роботизации, так скажем. Роботизация с искусственным интеллектом – это новая отрасль. Когда появились двигатели внутреннего сгорания, точно так же садились и говорили — все, гибель цивилизации, что мы будем делать и так далее.

Очень наглядно — кстати, именно в этот момент появляются пешеходы — если вы посмотрите документалку, первые фильмы конца позапрошлого столетия, то вы увидите, что не было тогда пешеходных тротуаров. Все ходили стохастическим образом по улице, уворачиваясь от конных экипажей. Когда появились первые автомобили, появилась необходимость создать пешеходные зоны и более ярко выраженные дороги. Про это, кстати, в «Золотом теленке», как несчастных пешеходов загнали на обочину.

Мир меняется, причем скорость изменения времени — воронка. И то, что раньше происходило со скоростью в 50-60 лет, сейчас происходит со скоростью в 5-7 лет. Действительно, просто на порядок быстрее идут изменения. Не знаю, про что это, про какой-то цивилизационный глобальный скачок, который произойдет, или наоборот про гибель человечества, но скорость изменений резко выросла. Это первая история.

Поэтому, когда мы говорим про искусственный интеллект и роботизацию, мы говорим про новую отрасль. Пузырь будет дуться всегда вокруг всего нового, но реальность такова, что глобально меняются средства производства, человек выводится непосредственно из средств производства, а глобальное изменение средств производства, если кто-то помнит Маркса, это как раз и основа любой революции, то есть это изменение всех систем — финансовых, социальных и так далее.

И это уже произошло. Тут как с погодой, бессмысленно обсуждать, хорошо это или плохо. Это произошло, мы сейчас в самом водовороте этих событий, нам повезло с вами жить в исторический острый период. И это первый тезис. Это все случается, а дальше вопрос, куда вы себя относите. Вы хотите остаться в памяти эпох и уйти высокоинтеллектуальным, страдающим мусором в никуда? Или вы хотите возглавить, понять новые инструменты, возглавить этот процесс и строить дальше мир уже с использованием новых инструментов, которые вам даны в руки? Это первое.

Вторая история – это вообще история искусственного интеллекта и России / Советского Союза в истории искусственного интеллекта. Её по-разному считают. Лично я её считаю, так скажем, со старта [перцептронов](#). Когда вообще возникла первая тема попробовать аналогово. Если мы не можем последовательно обеспечить решение вопроса, попробовать подойти к этому аналогово.

Фактически на тот момент ещё нейрофизиология была не развита. Нейросоциология была не развита. Это была догадка о строении человеческого мышления, и эта догадка была сделана как гипотеза на первых перцептронах. Дальше был очень детективный сюжет, потому что фактически первая команда, которая занималась перцептронами, в Штатах, они очень резко продвинулись. И главный идеолог странно гибнет на яхте, падает за борт во время своего, я не помню, 40-45-летия. И все, собственно говоря, гибель этого человека останавливает это движение.

АЧ. Интересно, почему у нас остановилось?

ОУ. У нас его не было. Вот это интересный момент.

Я сейчас расскажу, как у нас это происходило, поскольку это имеет непосредственное отношение к моей семье. У нас этого не было. Мы можем говорить о том, что в 40-х годах у нас резко, наоборот, стартовала история с нейрофизиологией. И здесь, если говорить про учителей, вообще про основания, то мы свою команду, свою школу мыслим не только с математиков, а с [Лурии](#).

Потому что Александр Лурия был первым человеком, который на самом деле [подошел к физиологическому исследованию](#) человеческого мозга с точностью и свободой математика. Он был, наверное, вообще мировым основоположником. И мир тогда так и считал, что Советский Союз здесь держал первую планку. Сталин очень ценил его, он очень боялся — он видел, как умирал Ленин — он очень трепетно относился к всему, что связано с мозговым поражением.

В районе Екатеринбурга была огромная клиника, построенная специально под Лурию. Это

было перед войной, по-моему, на 500 мест. Большая действительно клиника, где были и лечебные истории, и исследовательские. Это было прямо перед войной. И потом в войну большой материал с поражением человеческого мозга пошел в эту клинику. И совершенно уникальные работы Лурии по зеркальному отражению, по независимости и пластичности нейронных систем человека, по работе мозга — эти работы по факту совершили революцию, которая легла в основу математики в дальнейшем. Мы так стартовали.

С точки зрения кибернетической я могу назвать две фамилии, обе имеют к моей семье прямое [отношение]. Одна фамилия — это [Кронрод Александр](#). Фактически он стал праотцом вообще кибернетики в Советском Союзе. Он пошел учиться в МГУ, ушел на войну в очень юном возрасте, получил ранение, вернулся, экстерном доучился. Блестящие совершенно способности, под него делается [Институт проблем управления РАН](#). Он параллельно был одним из инициаторов [ВМК МГУ](#). Это первый курс на ВМК МГУ. Он дядька мой, а мой отец был в первом выпуске.

У Кронрода образуется параллельно несколько лабораторий. Не только Кронрод, [Поспелов](#), дальше много фамилий можно называть. Но я просто, исходя из домашних историй [знаю]. Образуется большая лаборатория по искусственному интеллекту, по программированию работы человеческого мозга, аналог человеческого мозга.

На тот период ключевая гипотеза — перцептрон когда сдох, весь мир пошёл по второму пути, о том, что, собственно говоря, тему с интеллектом они связывают с игровыми системами. Где проявляется максимальный интеллект? В умных играх. Поэтому берут за основу шахматы, берут за основу [го](#), международные соревнования. Начинают учить машину думать, играть в шахматы, играть в го.

Я помню эту команду, я сейчас буду называть имена ушедших уже от нас людей. Это [Адельсон-Вельский](#), собственно говоря, он был профессором научным этой [группы, «Каисса»](#). Это [Александр Битман](#), тренер по шахматам.

АЧ. Сам [Ботвинник](#) в этого активно вкладывался.

ОУ. Они консультировались. Но сама команда «Каисса»: [Усков](#), [Арлазаров](#), Битман, Животовский. У меня вообще такая память, но помню очень хорошо, потому что это все происходило на пяточках, все собирались в квартирах.

АЧ. Как всегда в Советском Союзе.

ОУ. И, собственно говоря, [в 1972 году мы становимся чемпионами мира](#) по шахматам среди машин, обыграв на финале американцев.

И это бомба, потому что это глобальное соревнование школ, в первую очередь, глобальное соревнование умов. Это так же круто, как полет Гагарина. Команда каиссовская получает от [ГКНТ](#) через некоторое время заказ на создание систем, моделей для управления советской экономикой, для искусственного интеллекта.

К середине 80-х система практически готова, но начинается перестройка, команда разваливается. Адельсон-Вельский уезжает в Израиль, и он там похоронен. На могиле надпись: «Израильский ученый советского происхождения». Арлазаров с Усковым здесь. Битман погибает от рук бандитов на улице. Животовский уезжает в Америку.

Дальше накладывается история на все это. В этот момент у меня заканчивается аспирантура, начало 90-х. Надо чем-то заниматься. Институт развалился на несколько кусков. Те, кто

остался, мы просто собираемся и ошметки наработок по искусственному интеллекту от школы, заворачиваем в систему оптического распознавания символов, [CuneiForm](#), поскольку это [техническое зрение](#), и начинаем просто продавать.

Это был перелом, на который началось выживание сначала, потом уже создание финансового блока и потом уже дальнейшее развитие, собственно говоря, этих систем в стране.

ИК. А куда продавали?

АЧ. CuneiForm я даже пользовался.

ОУ. Везде продавали.

АЧ. Сосканировал текст печатный, распознал.

ОУ. Было несколько крупных проектов. Мы выиграли конкурс у OmniPage. Это была американская распознавалка. И Hewlett Packard убрал американцев, положил нас. И мы много лет продавались вместе со сканерами HP. Это дало очень мощный [толчок]. Это было стабильно несколько десятков миллионов долларов в год роялти, со всех сканеров. И это дало нам возможность не брать на борт на старте финансовых партнеров. Знаете, в любых историях есть элемент удачи. Работа, конечно, но повезло.

Я сейчас не про Cognitive. Я сейчас говорю вообще про историю искусственного интеллекта в стране. Великолепная школа, победившая уже несколько раз, математическая школа была у нас с 70-х годов, и она не умерла. Нам удалось ее подхватить. И не только нам, несколько команд работало. И я могу сказать, что вижу три школы, три направления, которые шли в искусственный интеллект достаточно самостоятельно. Те, кто шел от Дмитрия Поспелова, это был тоже большой блок. Саша Блишун погиб, к сожалению, тоже в перестройку. Это несколько крупных ученых, которые хорошо и мощно сделали математическую основу. Искусственный интеллект – это математика. В первую очередь математика. Каждый робот – это в первую очередь математика.

Дальше был тупик. Это очень интересно. Международный тупик, который длился до 2007 года. Тупик заключался в следующем, что математика уже показала нормальные результаты, и уже можно было имитировать и вопросы зрения, и вопросы каких-то нейронных реакций, то есть уже получалось очень многое, но требовались очень большие вычислительные массивы. И поэтому человечество — такое разглагольствование, если мы с вами сидели в 2005 году, и еще был жив, по-моему, Адельсон-Вельский... Это как раз его, Георгия Максимовича, была идея, он говорил бы, что сейчас наши вычислительные способности могут симитировать мозг лягушки, а через какое-то время мы, наверное, сможем сделать мозг собачки, а потом через 50 лет мы сможем сделать такие вычислители, которые будут работать на уровне, приближающемся к обезьяне и человеку.

В 2011 году сработала гипотеза, которая вернула весь мир перцептронов, которая, по сути, являлась новым путем решения задачи вычислительной. Это тоже очень интересный момент, потому что это произошло сразу на нескольких континентах. Люди не связывались между собой, это я точно знаю, это и французы, и мы, и американцы, и австралийцы, сразу все пришли приблизительно в одно время в одну точку.

Что, в принципе, можно попробовать не выстраивать — если тебе надо из А получить D — не выстраивать цепочку $A \rightarrow B \rightarrow C \rightarrow D$. А ты можешь пройти из А в D как раз на имитации нейронных человеческих систем, когда ты просто проваливаешься на другой уровень сознания.

Это можно широкому слушателю объяснить как работу скульптора. Ты берешь камень и просто снимаешь слой за слоем, пока не получаешь совпадение с реальностью.

ИК. А не идешь по алгоритму.

ОУ. Да. Так работает человек.

АЧ. Я помню хорошо эту революцию. Тоже на моих глазах это происходило. Главный поворот произошел, что ты не столько наращиваешь математический аппарат, сколько как раз-таки идешь в биологию, в нейробиологию, и пытаешься, во-первых, понять, как у нас работает наш мозг, и просто это воспроизвести на кремнии, так сказать. Как-то так это происходило.

ОУ. Это произошло одномоментно. Если мы вообще посмотрим на историю науки, то когда выстреливает какая-то потребность мощная, вдруг все начинают заниматься связью, радио и дальше спорят, кто первый. Вдруг все начинают заниматься расщеплением ядра и дальше — выравнивание. Тут все начали заниматься так называемым промышленным искусственным интеллектом. Когда он из игрового блока перешел в блок реалистичный. Это произошло буквально за два года.

Эти два года — это как раз Google, когда эта [маленькая машинка](#) начала кататься в Калифорнии, там все говорили: «Bay!» Наша машинка начала кататься, независимо от Google, мы не знали. Мы все там закрывали же свои разработки. Нам никто не говорил: «Bay», мы сами бегали за ними и говорили: «Bay».

Когда Маск начал подходить к этой теме, когда [Volvo начал подходить](#) к этой теме, большое количество команд вдруг пошло в эту историю, причем с верой. Возникла вера. На базе математического состояния возникла вера в то, что этот рынок есть, его можно сделать, его нужно делать, и там — всеобщее счастье. И все ломанулись в так называемый транспортный AI, то есть в тему беспилотных автомобилей. Все туда пошли.

И мы туда пошли, все туда пошли. К тому моменту у нас уже было достаточно, какое-то приличное количество денег накоплено. Я думала, что мне дадут позаниматься чем-то женским, ничего не вышло. Деньги все эти были запущены в качестве инвестиционного меморандума. Мне вывезли вот такую машинку, которая играла в футбол. Сказали: видишь, 20 миллионов долларов.

Это был азарт. Это был азарт, потому что у передовых команд возникло это ощущение перехода. Представьте, вы расщепили ядро. Чем оно дальше будет заниматься? Оно будет электричество качать или убивать, или еще что-то. Но вы уже его расщепили.

ИК. Пока еще непонятные перспективы, но видно, что прорыв.

ОУ. Тебя уже трясет, ты уже там.

Дальше началась гонка. Не гонка, а работа. Собственно говоря, мы поставили [беспилотный КамАЗ](#) в 2014 году, не опоздав вообще ни разу никуда. К нам приехала делегация в 37 человек из Continental и Mercedes. Мы поняли, что это просто уже промышленный шпионаж, потому что так на переговоры не ездят.

Мы вышли на международку. На международной нас очень быстро взяли в оборот. Мы получили сразу несколько контрактов с [Tier-1](#). Это заводы, которые производят узлы для брендов — бренд собирает уже готовые узлы, а, например, [ADAS](#) собирается в Continental или в Hyundai Mobis — это так называемые заводы Tier-1, которые готовят эти все [узлы].

И там сосредотачивается и прибыль, и вся эта процедура...

АЧ. Да, сейчас мировой автопром так и выглядит. Финишеры стали маленькими, а большими стали производители крупных узлов, передел перед финишерами.

ОУ. Да. Притом, что цикл у автомобильщиков 5 лет, у нас взяли первые системы, которых у них не было. Мы начали уже разворачиваться. Но в 2018 году, это еще было до ковида и до нашей СВО, было большое совещание в Америке, в Детройте — два раза в год собираются, в Детройте и в Берлине, как раз те, кто занимается автономными системами — на котором они отодвинули прогноз по переходу на беспилотие на дорогах мира.

До этого стоял 2025 год, они отодвинули на 2035 год. Не из-за технологического состояния компаний, а из-за юридического состояния компаний, потому что не готовы оказались правила дорожного движения, страховки и так далее...

ИК. О да. Я помню очень хорошо эти дискуссии. Простите, что перебил. Как раз мы на телевидении обсуждали, когда первые такие предположения пошли, испытания пошли. Я помню, в Дубае запускали беспилотные такси. Это как раз где-то 2019, может быть 2018 год. Мы обсуждали, что все упрется, во-первых, в неспособность инфраструктуры принять все эти ноу-хау, а во-вторых, юридическая сторона.

ОУ. Да, абсолютно.

ИК. Потому что элементарно — как лететь над городом, как выстраивать систему...

АЧ. Даже не лететь, а даже ехать. Если беспилотный автомобиль, управляемый алгоритмом, собьет человека, кто сядет?

ИК. Да. Страхование и так далее. Эксперты много объясняли, что это прям обидно, но это стало затыком серьезным.

ОУ. Это не только российская, это международная история. Это было совещание экспертное. Мы когда вышли с него, мы собрались своим главным анклавом. И я говорю: денег у нас до 2035 года, если это не рынки, не хватит. Потому что одно дело — тебе заказывают, мы-то готовились к переходу к широким продажам. Нас [НИР, НИОКР](#) не интересовали уже к тому моменту.

Я говорю: давайте переходить на массовые рынки, там, где всего этого нет, или оно не такое сложное. Мы взяли [агро-](#), и мы взяли [рельсы](#). Мы это сделали первыми из всей этой тусовки, невзирая на то, что мы достаточно компактны по размеру относительно мировых гигантов. Но мы первые это сделали, два года у нас форы появилось. Мы в 2018 году приняли решение, в 2019 году мы на борт для строительства завода [взяли СБЕР](#).

ИК. Ага. Простите, для уточнения, в агро- — наверное, более или менее понятно, беспилотная техника, агротехника, а рельсы?

ОУ. Трамваи, локомотивы.

АЧ. Метро.

ИК. Беспилотные трамваи — я понимаю, а вот...

АЧ. Метро, поезд.

ОУ. К чему я это рассказываю? Я рассказываю, что, в принципе, в России вся эта технология развивалась не просто без отставания, а в каких-то блоках с опережением. С точки зрения математической школы, с точки зрения серьезной экономической модели, мы здесь ни разу не просто не плохиши, но мы приняты всем мирным сообществом, мы постоянно стоим в топе, Cognitive конкретно, в топ-5, топ-3 worldwide практически по всем рейтингам по автономности.

Это притом, что у нас триколор, мы не убираем флаг. Мы ни разу не делали вид, что мы эмиратская компания или армянская, азербайджанская. У нас триколор. Все знают, что у нас триколор. И когда меня приглашают туда читать лекцию, я еду как человек из России.

Таким образом, там, где речь идет про большие деньги и про новые технологии, у них нет политики исключающей. У них есть исключаящая политика там, где им выгодно. А здесь им важно видеть, что происходит, им важно держать руку на пульсе, им важно сравнивать, им важно снимать информацию.

Последний рейтинг, который пришел 4 дня назад... Я просто не имею права сейчас его опубликовать. Мы можем с 19 августа. Но могу вам сказать, что мы фактически взяли Оскар, именно по сельхозке. А дальше...

АЧ. Именно трактора?

ОУ. Именно трактора, да.

ИК. Давайте посмотрим. Есть несколько видео, как работают такие технологии. Давайте посмотрим прямо сразу.

[Видео]

Это трактор, когда на трактор просто мозг ставят. Вот эта коробочка, которая у него сбоку, это мозги. Она ставится на любой трактор. А то, за что нам сейчас Оскар дали, это полностью автономное, это уже целиком решение минитрактор фактически. Это глаза. Вот видите, он сидит, он не занимается [управлением трактором], ведет и обрабатывает поле система.

Это уже машинка чуть больше квадроцикла. Она гибрид, электричка, чуть-чуть дизель, на пуске электричка. И 5 тонн тянет. Таким образом, она годится для всех логистических... Вот он, да, точно.

АЧ. Знаете, когда мы делали наш [дрон КВН](#), то там фазовый переход случился так. Изначально катушка предполагалась как универсальный обвес к любому дрону, а на втором шаге обнаружилось, что для того, чтобы возможности технологии задействовать в полную силу, нужно сделать специальный дрон под катушку. Шаг состоял в том, чтобы от катушки вырастить отдельный дрон, именно под катушку.

ОУ. Это связано не только с этим. Почему мы взяли трактор? Потому что когда ты полностью зависишь — то, что мы имели на автомобильном рынке и то, что мы начали иметь на рынке производителей сельхоз и уборочной техники — когда ты полностью зависишь от другого завода, то тебе очень тяжело держать скорость. А на этих рынках, если ты хочешь забрать территорию, самое главное сейчас — скорость. А в текущий момент, с 2022 года, это стало не просто самым главным, стало вопросом выживаемости страны.

И здесь мы подходим, наверное, к самому важному моменту, потому что большие языковые модели, это все, тра-ля-ля, это все замечательно. Я считаю, что каждый человек имеет право на усовершенствование своих инструментов, на личный досуг, на то, чтобы научиться рисовать

как Пикассо или как Модильяни при помощи компьютера, или научиться писать так же, как Довлатов при помощи доводчика. Это все замечательные вещи, но когда у тебя болит зуб, ты не можешь писать стихи.

Вот сейчас у нас достаточно сложная военная ситуация. Она все сложнее и сложнее, и она будет еще сложнее, и она не будет проще вообще в принципе никогда.

ИК. Судя по всему.

ОУ. Я под этим подписываюсь. Тут даже вопросов нет.

Первое. Если нас пытаются убить — любой организм, который пытаются убить, убивают его кровеносную систему. Кровеносная система – это логистика. Во все времена, если была нарушена логистика, армия была обречена на уничтожение. Должны быть подвозы снарядов, продуктов, медикаментов, вывоз раненых, связь и так далее. Азбучная история.

Если мы посмотрим, как развивается украинская военная история, то она развивается ровно по логистическим [принципам]. Они уничтожают топливную систему, они сейчас уничтожают логистическую систему. Есть прямо направленное — мы много туда ездим — уничтожение, сейчас они перешли прямо на точечное уничтожение грузового транспорта. Уже не только на территории столкновения, но и все глубже и глубже внутри страны.

Водители грузовика сейчас в южной части, это x10 по зарплате, потому что просто дроны настраиваются на водителя, на кабину. Задача — максимально остановить течение крови внутри нашего организма. Для того, чтобы не терять людей, для того чтобы обеспечить кровью, снабжением любую точку нашей страны, нам необходимо запустить массово наземные роботы, которые, с одной стороны, достаточно дешевы, потому что, грубо говоря, стоимость их поражения должна быть сопоставима со стоимостью производства. Это очень важный момент, потому что война экономик. Иначе бессмысленно все.

Во-вторых, работа роем, это роботы, которые должны рассыпаться. Одну точку уничтожил, они рассыпались, отвлекают внимание от людей, от дальнейших событий, настраивают на себя вражеские воздушные дроны. Это именно роевая работа.

И сейчас технологии позволяют это сделать. Сейчас главное быстро поставить очень массовое производство этого всего. И скорость разворачивания должна быть не такой, какая она была с 2022 по 2026 год. Это главный вызов, который мы сейчас имеем.

АЧ. Чисто теоретически, условно, на Весту поставить такую коробочку, чтобы сама ехала — это возможно?

ОУ. Возможно. Я просто не имею права сейчас ничего про это говорить. Я просто хочу сказать, что решение есть. Вот надо взять себя в руки и «стошнить бюрократической моделью». Это важно.

Мы добрались до самых первых лиц страны. И они нам сейчас все помогают. Это стыдно, что приходится обращаться к министру, чтобы он двинул дальше процесс. Но с другой стороны, что делать? Наш экономический механизм не перестроился с мирных рельсов. И не хочет. Понятно, что он не хочет перестраиваться. Потому что что такое для этих людей перестройка? Это нарушение финансовых потоков, в том числе персональных. Это изменение режима труда персональное. Это возможное изменение кадровой системы. Значит, это грозит кому-то увольнениями и так далее.

Поэтому, конечно, все существующее и уже слепившееся сопротивляется. Мы имеем сопротивление со стороны врага, и мы имеем сопротивление со стороны своей неготовой системы. Двойное сопротивление приводит к тому, что очень много народу банкротится. То, что нам удастся большим трудом, очень большим трудом, большими потерями, я хочу сказать, нам удастся сейчас провести свою линию, но это мой 40-летний опыт с очень разными президентами, командами и так далее. А молодые ребята, стартаповские ребята, к сожалению, попав в первую волну...

АЧ. Банкротятся — это еще полбеда.

ОУ. Они уезжают.

АЧ. У нас садятся еще некоторые.

ОУ. Банкротятся, садятся, уезжают. Те, кто смотрит, как их сажают, просто бегут и садятся в [самолеты].

ОУ. Ольга, а ваша компания их под крыло может брать?

ОУ. Это вопрос всегда. Во-первых, зачем?

ИК. Я имею в виду, если там гениальные решения.

ОУ. Там гениальные решения, дело даже не в компании. Основная история, что ни один продукт не может развиваться без заказа. Если ты никому не нужен, если это твое научное исследование, то это институт.

АЧ. Ваня, я еще проще объясню.

Вот деньги в стране сейчас, по большому счету, есть только у государства. Но с каждым государственным рублем к тебе — прицепом — прибегает прокуратура, счетная палата, следственный комитет, службы. И дальше ты полгода ничего не делаешь, только отписываешься.

ОУ. Ну, не так. Я вообще настроена ругать государство, но не в этом месте. Не так. Давайте я скажу как.

Они не прибегают за каждым государственным рублем. Процедура достаточно прописанная. Просто сами процедуры достаточно сложные. И они не нацелены... То есть, в конце нет темы заказа. Вот вы сделали, например, замечательный дрон. Произвели. Вы его показали. Вас даже не посадили. Вы отчитались нормально за субсидию и так далее.

А дальше этот дрон у вас должны заказать. Его должны заказать таким образом, чтобы вы получили достаточный объем денег для того, чтобы развернуть заводские конвейерные линии. Или хотя бы вам должны гарантировать железно, что через два года, если вы сделаете такое ТЗ...

АЧ. Я этот путь прошел.

ОУ. Да, и при этом под это вы можете взять кредит.

АЧ. Буквально. Нет, кредит сейчас не надо брать.

ОУ. Я вообще говорю.

АЧ. При нынешней ставке его брать нельзя.

ОУ. Когда я говорю «кредит», я говорю исключительно о том, что это будет специальный кредит с 1% или 2%, мы вообще не рассматриваем тему 25-30% и так далее. Я сейчас про другое.

АЧ. 12% прибыль по минобороновским заказам официальная, которую мы можем показать. Это означает, что, если я возьму кредит даже под 11%, у меня будет 1%. Вы понимаете. Все.

ОУ. Поэтому делают спецфонды, по которым они обязаны давать вам под 1,5-2%. Но чтобы попасть в этот спецфонд, вам надо держать...

АЧ. Да, конечно. Первый отдел, журнал учета журналов, военная приемка.

ОУ. Это постоянно 100 человек, которым тоже надо платить зарплату. И это заикленность системы самой на себя. Когда система полностью сама себя кормит таким образом, пока не сдохнет коровка.

Знаете, мне тут недавно замечательный анекдот рассказали. Сидели с маркетологами, они мне сказали: Ольга Анатольевна, у нас теперь в маркетинге такой анекдот.

Собралась группа маркетинга, они обсуждают, как наиболее эффективно дать маркетинговый слоган по молоку. И один из матерых маркетологов говорит: «Молоко – это лучшее, что можно выжать из коровы».

С точки зрения того, что сейчас происходит с бизнесом, жмут вместе с костями, кровью, коктейль такой. Пока шкурка не останется, потом шкурку еще немножко протирают, потом говорят: «Ой, сдохла. Что ж такое-то?»

Любая инновационная история – это история стартапов. Поэтому, если мы говорим про структуру, так важна была в свое время система Кремниевой долины. Поэтому, если мы говорим про группировки PayPal, когда Тиль рассказывал своих ребят, то они в первую очередь сели: один — на фонд по выращиванию маленьких компаний, второй — на фонд по следующему.

АЧ. [Цепочка](#).

ОУ. Он выстроил цепочку.

АЧ. Pre-seed, Seed, первый раунд, второй раунд, третий.

ОУ. На каждом стоял свой человек. И взаимодействие с государством, и Вэнс, и то, что мы сейчас видим — это результат этой команды, по сути, 15 человек, которые были расставлены таким образом и отработали систему. Это важнейшая история.

На текущем этапе, собственно говоря... На одном из закрытых совещаний правительства я месяц назад услышала поразительную фразу. Я не могу сейчас назвать, но это человек очень верхнего уровня, который положив ногу на ногу сказал: знаете, нам [SMB](#) не нужен в стране, мы будем ориентироваться на крупные компании. А SMB пусть завернется в простыню и тянется на кладбище.

АЧ. Так думает большинство. Кстати, по простой причине. Сейчас объясню. Я же тоже общаюсь, я же [советник министра](#). Подход-то какой? Им проще общаться с тремя владельцами крупных холдингов, которых можно вызвать в кабинет, посадить за стол и договориться, чем иметь дело со стихией из тысяч SMB, с которыми непонятно, как договариваться, непонятно, как выстраиваться.

ОУ. Видите ли, коллега. Я хочу сказать, понимаете, какая штука. Все эти ребята, эти верхние, они все выходцы из Высшей школы экономики. И у страны нет задачи, чтобы им было удобно, понимаете? Нет такой задачи. А элементарные экономические модели говорят о том, что вообще показатель устойчивости страны – это показатель процента SMB. Чем выше процент, тем устойчивее.

АЧ. Согласен.

ОУ. Это база. Я вообще экономику не считаю за науку, но это база того, что там все считают наукой. Это база. Это первое.

Второе. В военное время сосредотачивать ресурс в единую точку, которую можно поразить через голову — это вообще тоже база — это безумие. Потому что задача — создать максимально распределенные по территории страны предприятия. Всего, всего вообще! В первую очередь фермерские и так далее. Иначе жрать будет нечего, иначе заправляться будет нечем. То, что мы имеем.

АЧ. Я про это — все время. Распределенная логистика, распределенная энергетика, распределенное производство, распределенная связь, распределенное все.

ОУ. Таким образом, давайте рассмотрим. Мы сейчас получили первую волну кризиса. Знаете, я с огромным удовольствием и уважением отношусь к раннему Пелевину, раннему именно.

ИК. Поддерживаю.

ОУ. Его «S.N.U.F.F.», конечно.

АЧ. «S.N.U.F.F.» — это уже не ранний, это уже 2011 год. Просто после него он ничего хорошего не написал. А вот «S.N.U.F.F.», конечно, вершина.

ОУ. «S.N.U.F.F.» — это вершина, да. «S.N.U.F.F.» прекрасен. И в «S.N.U.F.F.» эта эпоха Просров Ликвидов.

АЧ. Там династия. Там есть Просры Ликвиды, Просры Полимеры.

ОУ. Сейчас очень сложная задача. И, возвращаясь к искусственному интеллекту, возможность поставить себе на определенные процессы не зависящих от субъективного фактора работников и арбитров — это некоторый рабочий выход из ситуации. Если говорить про Palantir, немножко поговорим про систему управления.

АЧ. Все, я понял, куда вы клоните. Короче, идея в том, что некоторых начальников логично было бы сейчас заменить просто ИИшкой. Было бы не хуже, а может и лучше.

ОУ. Во всяком случае дать альтернативное мнение.

АЧ. Ну да.

ОУ. А почему нет?

АЧ. Я за.

ОУ. Он выдает это, есть анализ, обычный математический анализ. Пусть он выдает это на фоне этого анализа. Он говорит: я принял такое решение. Система говорит: это решение – это, это и это. Тогда это будет открытая картинка, которая будет видна. Во всяком случае, на следующем уровне уже решение можно будет принимать на основании двух мнений.

И люди будут видеть — этот человек пошел против выданного системой мнения, получились какие-то последствия.

АЧ. Значит, он имел на это основания. Он должен тогда будет в случае чего быть готов объяснить, почему он принял другое решение.

ОУ. Объяснить, и будет уже точка вины, потому что это уже будет нарушение. Это важно, перевести это в юридическую [плоскость].

АЧ. Ответственность. В этот момент он взял на себя ответственность.

ОУ. Точно.

АЧ. Кстати, самое смешное, что даже если он сейчас совершил действия, которые привели к отрицательному росту и отрицательному результату, он всегда может сказать: а я действовал по процедуре.

ОУ. Они объясняют, что у них есть модели, непреодолимые внешние условия. Поэтому необходимо параллельно давать некоторую внешнюю ситуацию. История Palantir и того, что, собственно говоря, мы сейчас уже начинаем показывать и обсуждать тоже, как раз заключается в этом. Это тоже 2011 год, когда произошел скачок. Если люди заняты производством оружия на фронте, то естественным путем надо говорить об управлении фронтом.

Тема управления фронтом – это тема получения некоторого, не зависящего от субъективного фактора, моментального прохождения решения. Основная тема – это время. Чем хороша система? Вы же пользуетесь чатами и так далее. Вы видите скорость поиска. Ты делаешь запрос, и то, [в поисках] чего ваши помощники пару месяцев посидели в Ленинской библиотеке, у вас появляется за несколько секунд.

На войне это еще более острая ситуация, потому что тема принятия решения на войне — это вообще тысяча жизней людей. Каждую минуту.

АЧ. Я это формулирую так, поскольку для меня это практическая деятельность, что решение среднего качества, принятое вовремя, стоит намного дороже, но намного ценнее и лучше даже хорошего решения, принятого с опозданием.

ОУ. Таким образом, когда они затевали Palantir, то первым заказчиком стал Пентагон. Вышел стартап, и тут же вышел заказчик. Это мегаважная история. Потому что если вышел стартап, а никто не вышел, то стартап делает *что-то*, что может не совпадать с требованием, первое, а вторых, на следующем раунде ему скажут: а где твои обороты? Пентагон вышел как заказчик, показал первый блок заказа. Притом, что это был 2011 год, и система была еще мегасырая. На нормальное состояние она пришла к 2018 году. До 2018 года это были нюансы.

Дальше фактически Palantir разделился на три типа продуктов. Это управление фронтом, военные системы, это управление политикой — они сначала прокатили это на Эрдогане, на последних выборах, когда они заводили этого товарища с труднопереносимым именем...

АЧ. Кылычдароглу.

ОУ. Да-да-да. Они просто показали, как они, собственно говоря, [выдвинули] ноунейм, за 8 месяцев практически скинули Эрдогана. Это был очень интересный момент. И получили там очень мощную площадку для торговли. Переговоров, торговли и так далее.

И второе, что они Palantir показали уже, когда, собственно говоря, обеспечивали Израилю эти [точечные удары](#), это отработка Palantir. Они про это говорят вслух, это их витрина, это их продажное [предложение], это огромный рынок. Они продают этот Palantir сейчас направо и налево.

И третий блок Palantir, они его только начали, они его начинают продавать для крупных корпораций, для управления крупными системами. Таким образом, Palantir с 2011 года по 2026 год, сейчас стал некоторой данностью, при том, что какое-то время назад это было просто хи-хи, ха-ха-ха, фантазия.

Я первую свою книжку, «[Этюды Черни](#)», написала про это. Я не считала себя, а сейчас уже, наверное, считаю себя писателем. Когда надо куда-то нервы деть, кто-то вяжет, а я села, написала книжку, потому что нужно было сбрасываться куда-то. Естественно, книжку я писала про то, чем мы занимаемся.

Это был острый фронт тогда, 2022-2023 год. И первое, что меня совершенно, конечно, штырило, это невозможность провести [решение], эти темы прохождения решения. Просто все внутри прям болело, потому что нас тыркали. Мы туда давали какие-то [предложения] и видели, что зависает. Даем, опять зависает, ничего не доходит.

Я накатала историю, при которой на G7, в которую Россию не взяли тогда как раз, отравляют всех президентов во время заседания. Наш остается живой, потому что его не приглашали. И, чтобы не было большой бучи, вместо них ставят клонов. Берут похожих артистов, ставят клонов управлять. Поэтому они такие дебилы. Ставят клона Макрона и так далее.

Чтобы мир вообще не накрылся медным тазом, поскольку – ну что там клоны науправляют, то мировое сообщество принимает решение о том, что надо ставить единую систему искусственного интеллекта, которая будет контролировать дебилов. Нашим прогерам, поскольку они дальше продвинулись, дают задачу на то, чтобы сделали этого [Ипполита](#), который будет контролировать мировое сообщество.

ИК. Мне кажется, вы как в воду глядели. Сейчас так оно и есть.

ОУ. Я про это хочу как раз сказать. Я выпустила эту книжку. Она стебная. Я по Макрону прошла вдоль и поперек. Понимаете, пока мы работали с международной предыдущее десятилетие, это же все заказы на самом верхнем уровне. Мы довольно много общались с финансовыми правящими [кругами], они же новыми технологиями интересуются. Поэтому более-менее характеры для меня были понятны, и как Макрона куда завели.

Я попросила наших ребят дать мне систему, которая будет вытаскивать мне из сети документалку. Потому что я понимала, что меня потащат по судам. За то, что хоть я и написала, что все совпадения случайные, а события невероятные, но все равно потащат. И поэтому мне под роман система собирала документалку.

У меня там и зороастрийцы, и Макрон с Ротшильдами и так далее. И она мне подготовила все эти бумажки. И я поэтому, выпустив книжку, успокоилась, когда через 4 месяца первая же тема с трансвеститом-журналисткой просто совпала чуть ли не до имен. Мне начали звонить уже из Штатов. Тут мне как-то стало, елкин хвост... [Дурак ты, боцман, и шутки твои дурацкие!](#)

АЧ. Торпеда мимо прошла.

ОУ. Мне просто нехорошо стало. А дальше уже...

ИК. Офигеть.

ОУ. «Этюды Черни», может, достаточно литературно неотесанны. Это первая все-таки книга была. Но с точки зрения пророчества, это просто какой-то ужас.

АЧ. Я, кстати, читал вашу рецензию на пелевинскую баночную вселенную. Причем там было такое: то, что он пишет, для нас это, во-первых, производство, а во-вторых, уже вчерашний день.

ОУ. Отчасти, да.

АЧ. Про банки. Типа, в кои-то веки читаешь Пелевина и понимаешь, что не прочитал ничего нового.

ОУ. Там не совсем так было. Я просто хочу сказать, что Виктора Олеговича точно консультировал специалист, потому что он достаточно точно попадает в особенности технологии. Его точно консультировали и консультируют люди, которые занимаются нейронками.

Но претензии у меня там были другие. Она у него какая-то ни о чем. Человек не может сидеть на пляже и писать что-то актуальное вне событий.

АЧ. Он сам как в банке тогда.

ОУ. Ну да. У меня претензии были к тому, что человек трусил, но трусость, как известно, самое... Я сейчас не про это. Возвращаясь к теме с технологиями, для меня эта история с писательством оказалась точкой, которой я в каком-то смысле достучалось до определенных первых лиц.

Потому что они больше ничего не читают. Только через прикол и прямые намеки на действующее руководство Кремля, книжка прошла по Кремлю.

ИК. Эффект был?

ОУ. Был, да. Мне позвонили. Два прототипа мне позвонили. Потому что это нервирует. Потому что это же светская жизнь. А по-другому объяснить, что, ребят, вам пора заняться Palantir, у меня не получалось до этого никак. А тут хотя бы диалог начался.

Дальше уже [вторая книга](#), она была связана с моей личной историей. А третья, «[Аминь](#)», которая вышла в прошлом году, она уже итоговая этой трилогии. Она, к сожалению, тоже начала сбываться, но она уже катастрофична с точки зрения тех историй и прогнозов, которые в нее включены. В частности, уже речь идет про действительно развернутую систему нейрочипирования, про следующий этап военной гонки, который на высочайшей вероятности будет связан с нейрочипами и с биороботами.

Война — всегда конкуренция экономик. Работа с актуаторами, человекоподобного, делать дорого. Само производство инженерки — это дорого. Намного проще взять готового, которого уже родили, воткнуть ему чип в башку, чтобы блокировать управление...

АЧ. Это сделали уже.

ОУ. Еще до конца не сделали, но к этому все идет.

АЧ. Животное уже есть, вполне себе.

ОУ. Разрешение есть на опыты над людьми. Меня это всегда поражало — про всякую фигню наши пишут: Трамп покакал, Эрл Маск пописал, еще что-то, новости идут. А про то, что Илону Маску дали полтора года назад разрешение на опыты над людьми, и фарма согласилась с нейрочипированием — это вообще беспрецедентно, когда с такой скоростью совершенно неопробованная технология пускается.

Они это слегка прикрыли, сказали, что — мы это делаем для того, чтобы инвалидам помочь, потому что человеку, может, зрение вернем или еще что-то. Но реально тема чипирования солдат у них уже практически на конвейере. Они говорят: вживляем чип солдату, чтобы знать его местоположение, состояние пульса, крови и так далее. И это сразу приходит в систему, и тогда мы можем адресно прислать дрон с медицинской помощью и уколами, в случае его поражения. Солдату объясняют, что без чипа он просто беспомощен, и поэтому они все согласны на чипирование.

ИК. А на самом деле?

ОУ. Это и происходит на самом деле, но кроме этого, что там еще может произойти?

ИК. Я про это.

ОУ. Это как наркотик.

АЧ. Понятно все. Даже этот [голубь](#), которого Neiry показывает, мы же видели, он на самом деле торчок. Исполняя команды с пульта, «лети направо» или «лети налево», он испытывает кайф, потому что это воздействие на его центры удовольствия в его голубином мозгу. А если он не исполняет команду, то наоборот испытывает ломку. Именно так птица и управляется.

ОУ. Все так управляются. Правильно сделал — тебе хорошо, плохо сделал — тебе всыпали.

ИК. А это перспектива примерно скольких лет?

АЧ. Уже.

ОУ. Это уже поехало.

АЧ. Голубь — вот он.

ИК. Голубь — понятно.

ОУ. Переход на такие армии — думаю, 3-4 года.

ИК. Ого.

ОУ. А что «ого»? Вот оно.

Вообще все всегда готовится к той войне, которая когда-то была. Меня всегда пленяла тема с [танком «Армата»](#). Самый большой в мире танк делали, когда уже весь Ближний Восток воевал, сделав из говна и палок дрончик за 50 долларов и к нему приделав гранату.

Очень важно идти впереди. Очень важно задавать повестку. Самое неприятное – это отбиваться.

ИК. Что мы сейчас и делаем.

СУ. А какой вывод из этого? Нам надо раньше чипировать своих солдат?

ОУ. Давайте не будем. Это расчеловечивание. Это фашизм и это расчеловечивание. Я сейчас объясню.

Шанс нашей победы – это на самом деле то, что мы представляем человеческую расу.

АЧ. Если серьезно, то да.

ОУ. Это прямо вот так. Сейчас это вот так. У меня «Аминь» про это. Любая революция – это стык каких-то историй. И по большому счету у тебя есть точка выбора. Ты хочешь жить в обществе, состоящем из людей, где роботы являются помощниками. и обслуживающим персоналом. Грубо говоря, ты насчет роботов убираешь тему неравенства внутри человеческого общества. Убираешь рабство у людей, в рабство ставишь машину. Или ты хочешь жить в обществе, где люди становятся...

АЧ. С помощью машин одни люди управляют другими.

СУ. Господствуют. Это я понимаю. Об этом научная фантастика.

ОУ. Это уже не фантастика, это уже точка выбора.

АЧ. Манифест Карпа весь про это.

ОУ. Если говорить про тех же, вернуться к Тилу, то я не знаю, как сейчас, я просто потеряла, но в сентябре-октябре у него был цикл лекций в Стэнфорде и в MIT.

АЧ. Об антихристе.

ОУ. Да, об антихристе. И суть лекции об антихристе заключалась как раз в том, что христианская концепция проиграла в текущем моменте. Она демонстрирует свою несостоятельность. Потому что несколько тысячелетий мы прожили под идеей Христа, Бога, всепрощения, все люди — добрые. Но реальная модель не такая, это вранье. И то, что люди называют грехом, антихристом — это неразрывная часть человеческой жизни. И это гораздо более продвинутая часть человеческой жизни, потому что именно в этой зоне рождаются инновации, эмоции и все остальное.

Поэтому надо перевести сюда точку. И новый уровень общества, технократический, сейчас заходит... Например, в Калифорнии сейчас просто неприлично говорить о том, что ты там имеешь какое-то отношение к церкви, в смысле, что ходишь в воскресенье в церковь. Это для дебилов. Если вы посмотрите молодежные все сериалы...

АЧ. Это хорошо отражено в сериале «Кремниевая долина».

ОУ. Да, они там ржут в голос. Кто-то с родителями ходит в воскресенье — это просто признак дебилизма. И это поколение до 40-45, они сейчас взяли атеистическую большевистскую модель на новом уровне. По большому счету, все, что происходит сейчас в системе управления, которую ведут эти технократы молодые, это модель Троцкого, но переложенная на искусственный интеллект и роботизацию.

СУ. Погодите, модель Троцкого — теоретическая?

ОУ. Теоретическая, конечно. Они взяли наши уроки, они посмотрели, что работает на массу. Они посмотрели все точки, которые их устраивают.

СУ. А советская модель была все-таки — освобождение человека.

ОУ. Они же тоже говорят. Это вопрос, какие лозунги вы кидаете на массу. Какие лозунги понятны сейчас массе. И за кем пойдет масса? Если мы сейчас посмотрим дискурс, который идет в Штатах, он абсолютно левацкий, причем, что Трамп типа консерваторский.

СУ. Нет, это пропаганда. Мы же говорим о сущностных [понятиях].

АЧ. А сущностно это фашизм.

ОУ. Это фашизм, да. Они пропихивают...

СУ. Сверхлюди и недолуды, которые должны быть рабами.

ОУ. Они это открыто говорят, конечно.

СУ. Это все-таки не совсем большевистская модель. Там же наоборот. Знаменитая работа Сталина о развитии...

ОУ. Не путайте Троцкого со Сталиным.

СУ. Тогда не надо говорить о большевистской модели.

ОУ. Ну хорошо, троцкистская.

СУ. У Троцкого была макси-цель для этого. Мировая революция. Здесь речь идет о мировом господстве.

ОУ. Нет, нет. Мировая демократия. Если вы посмотрите дискурс, который они пускают в каждую страну, каждое убийство объясняется мировой демократией.

СУ. Да, мировая демократия. Во имя чего? Во имя мирового господства.

ОУ. Это называется зеленый фашизм. Когда формируется ограниченное количество очень понятных, простых и человеческих лозунгов типа «чистый воздух», «чистая вода», «спасем деревья» и так далее. И под этими лозунгами выстраивается крестовый поход с полным уничтожением «плохих».

СУ. Отлично. Мы подошли к теме русского ИИ, это то, что меня интересовало, нашего ответа. Когда мы в прошлый раз сталкивались с версией фашизма германского, там были подобные [цели]. Выведение эсэсовца – это тоже было выведение сверхчеловека. Не было именно

технологических уровней, но их как дрессировали? Преодоление боязни убийства, скрещивание в том числе.

АЧ. Клиника [доктора Менгеле](#) тоже никто не...

СУ. Они были на своем технологическом уровне. У нас не было ответа, что мы выращиваем своего сверхчеловека. В данном случае, когда мы говорим о чипировании, то есть уже проникновении... Конечно, они тоже испытывали иллюзии, что они идеального эсэсовца могут вывести, специальные дома были, где они их скрещивали. Не получилось. Тут же речь идет уже о технологическом улучшении человеческих функций.

ОУ. Все правильно.

СУ. И когнитивных, и биологических. Это у них отражено, наверное, в детстве мы все посмотрели «Универсальный солдат» с Ван Даммом. Это ж об этом и было. Только когда не живого человека, а чипировали недавно умерших. Массовый был фильм. Вот оно стало реальностью. Перекочевало.

Вопрос. Наш ответ — мы тоже должны улучшать функции солдата? Или он должен лежать в другой плоскости?

ОУ. Я сейчас объясню. Наш ответ — мы должны себя прокачивать. Вопрос, загонять это под кожу или не загонять. А то, что мы должны быть персонально вооружены не хуже их, это 100%. Вы сейчас сидите [в планшете].

СУ. Записываю, да.

ОУ. Да. Или телефон — это уже дополненная реальность. Вы уже часть своей функциональности перенесли в гаджет для того, чтобы его убыстрить. Для того, чтобы быстрее иметь информацию, быстрее делать реакцию и так далее. И без этих гаджетов вы уже менее конкурентоспособны.

Вы очень важный вопрос задали. Это мегаважная история. Чем быстрее мы будем развивать ответные инструменты, и чем лучше мы будем ими владеть, тем больше шанс на то, чтобы человечество успокоится, придет в паритет, так же как это бы происходило с расщепленным ядром, и мы просуществоваем еще следующие 50 лет, возможно, наши внуки проживут нормальную жизнь. Мы сейчас попали в этот период. В этом периоде мы не можем выглядеть лохами.

ИК. Понятно, но нужны свои новые правила.

СУ. Надо нащупать это, где он будет находиться. Потому что проникновение в биологическую сущность человека — это все-таки путь в тупик.

АЧ. Позвольте все-таки некоторую ересь. Опять-таки, как из практики войны. Все-таки кожаный мешок — неважно, с чипом, без чипа — штука, в войне дронов особенно, достаточно уязвимая. И толку от нее на нынешнем поле боевых действий немного.

Сейчас задача скорее в том, чтобы запихать ее как можно дальше, как можно глубже, в какое-нибудь как можно более безопасное место. Мы сейчас операторов стараемся вывезти вообще сюда, в глубокий тыл, чтобы они удаленно управляли дронами, чтобы не подвергали себя риску в прифронтовых блиндажах. Понятно.

Как ни странно, проблема стыка нейротехнологий и ИИ в другом. Мы об этом говорили на предыдущем этапе. Скажем так, кремниевые машины очень быстро достигают своего порога вычислительной мощности. Но если ты оказываешься способен на мозги в банке и из них сделать условно вычислительный центр, тут ты сразу получаешь скачок. Тут, когда у тебя есть не имитаторы нейронов кремниевые, а живые нейроны, которых ты вырастил, с помощью которых ты делаешь все эти операции, в этом месте, конечно, ты получаешь сразу преимущество.

Ты их кормишь просто едой. В смысле, белком, эти мозги. Они думают за тебя, причем думают со скоростью, недоступной кремниевым вычислителям.

ОУ. Нет.

СУ. А я немножко не так Ольгу услышал.

ОУ. Нет, совсем не так. Сейчас в чём особенность? Семён, наверное, поймёт.

Сейчас нет будущего. Сейчас всё вместе. Настоящее, будущее и прошлое слились в один комок.

СУ. Мы доживаем XX век, всё сейчас перемешано.

ОУ. Просто скорость изменений такова, что то, что мы считали, что это когда-нибудь будет, оно тут же и происходит. Время сжалось. Поэтому система прохождения решений, принятия решений, является ключевым моментом. Человек тут все равно центральное звено, я сейчас объясню почему.

Я так понимаю, что все уже там, на войне, побывали. Я так понимаю, что здесь люди, которые имеют какой-то опыт.

ИК. В каком плане?

ОУ. Вы были там?

АЧ. Я был.

ОУ. Там очень четко видно – своим делюсь, это не аксиома, это мои наблюдения... Пример. У меня есть знакомый священник, он очень интересный человек, он ездит за ленточку, помогает, они делали полевые храмы, а он продвинутый мужик вообще, когда-то давно заканчивал Новосибирский университет, интересный. Представьте себе, мужики, разное совершенно вероисповедание. Там много мусульман, есть иудеи. Приехал православный священник. Они все равно, все как один — к нему. Какой-то священник. Первое — возникает ощущение единого смыслового центра. Бог один.

ИК. Духовного.

ОУ. Да, это прямо видно. Второе, перед боем, перед операцией встали на молитву. Все встали на молитву. Все как один.

Это было какое-то невероятное ощущение, энергетика, которая собралась в этот момент. Операция прошла успешно. Я понимаю, что, может быть, это для вас из моих уст звучит странновато, но человек – это уникальный сгусток энергии. Мы умеем пользоваться

собственной энергией — вот настолько. В экстремальной ситуации у нас открывается...

АЧ. Дополнительно.

ОУ. Дополнительно. Реально

мы — грандиозный источник энергии. Мы можем создавать вселенные. То, что у нас внутри.

ИК. Это как раз-таки очень понятно.

ОУ. Поэтому весь смысл эволюции, если мы посмотрим, как вообще идет эта наука об эволюции, это возможность человеку добраться до своих источников энергии. Здесь эмоциональный аппарат, смысловой аппарат — это ключи, их нельзя выбрасывать.

Если ты берешь живого человека, вклеиваешь ему примитивный чип, обрубаешь ему все функции, и он дальше выполняет определенную функциональную задачу как робот, то на самом деле это, может быть, более дешевое, но это довольно слабое оружие. Он как человек перестает существовать, он никогда не доберется до своих ресурсов.

ИК. Частично он уже не человек.

ОУ. Да, до ресурсов уже никогда не доберется, потому что все перекрыто. А как робот он просто более уязвим, потому что покровы уязвимы.

ИК. В этом, кстати, как раз-таки уязвимость всех карпов, тилей и иже с ними.

ОУ. Абсолютно, да. Поэтому это всегда цикл. Мы сейчас проходим определенный цикл. Но это не значит, что мы должны сидеть, ходить в часовню и говорить: «Господи, Россия Богом одним [управляется]».

ИК. В том числе, но не только, я бы так сказал.

ОУ. Это бред собачий. Сейчас должна быть концентрация усилий для того, чтобы решить свой вопрос. А этого как раз и не наблюдается. И не наблюдается ровно потому, что есть целая система, которая нас гасит на этом уровне. Поэтому самое страшное сейчас не то, что там нейрочипы засунут в этих солдат, а самое страшное, что происходит — то, что из всех точек генерят на этой территории ждунов, трусов, приспособленцев.

АЧ. Семен, дождался, наконец твои темы.

СУ. Я сейчас еще все-таки допроверю. Себе же все эти сатанисты, тили и прочие ничего вчипливать не собираются.

ОУ. Почему? Они себя улучшают. Они в систему управления не собираются, но прокачка [происходит], например, модуль-переводчик в себя...

СУ. То есть, они себя видят мозгом. Как у муравьев. Есть рабочие муравьи, есть воины. Они себя видят сразу на этой новой иерархии господствующей частью.

ОУ. Конечно.

СУ. У них идея в чем? Как я вижу эту схему. За счет того, что они научились. производить гражданские войны на технологическом уровне. Началось все с переворотов, они еще на предыдущем технологическом уровне научились. Теперь уже когнитивная война — это то, в чем я продеформирован, то, что я изучаю активно — они утверждают, что уже вышли на уровень, что они могут проникнуть практически везде.

Последняя, я так понимаю, их одна из тренировок была [в Непале](#). Прямо полевые испытания были. Как раз между Индией и Китаем, еще и пограничная цивилизация. Они же еще и изучают культурные коды — как, на кого, чем лучше воздействовать.

Сначала они обкатали эту технологию, а теперь готовятся к экспорту. Любой переворот потом с высокой вероятностью ведет к гражданской войне, войне внутри одной культуры. Образуются два, три и больше лагерей, начинают между собой конфликтовать, заходят в позиционный тупик. И тут они приходят с предложением: смотрите, у нас есть универсальная штука, как улучшить. Вы же находитесь на предыдущем технологическом уровне. Вы еще бегаете в тапочках с автоматами. А мы вам — чипов, с помощью которых внедрим вашим [солдатам]...

Это, с одной стороны, решает вам вопрос – вы, правящие элиты, остаетесь на господствующем положении, а ваши бармаи с автоматами становятся универсальными солдатами, которые быстрее помогут вам победить в гражданской войне. Таким образом они создают точки напряжения в разных цивилизациях, где это становится у них еще и главным экспортом. Как они до этого...

АЧ. Ракеты, танки.

СУ. Ракеты, самолеты, разные вещи. А это тем более экспорт мало того, что высокотехнологичный, он еще завязан на все это облачное управление, сервера — у них.

ОУ. Да.

СУ. Они какую-то часть сервера отдадут — вы пользуетесь для локальных задач.

ОУ. Все правильно.

СУ. А для стратегических [нет]. Соответственно, это задача на войны XXI века. Сначала племена между собой конфликтуют, но сервера и общее управление находятся у нас. Свое население мы не так чипируем. Наши солдаты в этом смысле – офицеры, генералы. Они консультантами выступают. Как войны в Индии, как маленькая Ост-Индская компания с маленьким гарнизоном. Они тоже на свой исторический опыт [опираются]. А местные раджи прекрасно между собой воюют.

Они так 300 лет с десятитысячным контингентом управляли [колониями] за счет бесконечных конфликтов. Время от времени еще геноциды устроить экономический, перекрыв какой-нибудь экспорт, импорт, технологию какую-нибудь классическую подрезав.

АЧ. Ткачи.

СУ. История с ткачами. Бельгия это же потом отработывала с каучуком, когда [производился] «обмен каучука на отрубленные конечности», если не выполнен [план]. У них есть опыт на всех предыдущих укладах, как за пределами своей страны строить эти модели.

Учитывая, что мы одни из первых объектов колонизации, как они считают... С моей точки зрения, война с постУкраиной – это элемент гражданской войны, они довели еще на

предыдущем технологическом укладе до формирования враждебной идентичности внутри одной культуры. Довели до состояния, а теперь имеют прекрасный полигон.

ОУ. Мы же тоже имеем прекрасный полигон. Надо пользоваться своим полигоном. Это первое. А второе...

СУ. Но мы же чипировать не будем. То, что ТЦК будет чипировать, я не сомневаюсь.

АЧ. Чипировать не будем.

ОУ. Я сейчас объясню вам. Вы видели, как дерутся коты?

СУ. Конечно.

ОУ. Где-то процентов 80 они стоят, орут друг на друга. И процентов 80 драк не переходит в партер. Они просто стоят, орут с дикими вибрациями. Потом разошлись. В партер переходит процентов 20. Приблизительно то же самое в больших человеческих моделях. Кто больше натрендит, это называется.

И Штаты, и Китай имеют сложные внутренние проблемы. Это крупные страны. В каждой крупной стране, в России, в Штатах, в Китае, всегда есть большие проблемы. Любая централизация на таком объеме людей и пространств вызывает проблемы. У Штатов они в какой-то момент перешли в критические ввиду устаревшей экономической модели.

Она реально устарела. Они сейчас находятся в стадии загнившего империализма. С этой моделью они пока не придумали, куда слезть.

СУ. В войну.

ОУ. Но это все равно не решение.

АЧ. Самое главное, это пока маргинальное.

ОУ. Абсолютно. Да, это маргинальное. Я согласна. Мы внутри-то их тоже очень глубоко видим, мы с ними общаемся постоянно. В половине ИИшных компаний СТО — русские.

СУ. А русские ли они уже?

ОУ. Русские по происхождению. Мы вообще являемся поставщиками айтишных [мозгов]. К сожалению, у нас не работает диаспорная история.

АЧ. Диаспоры нет русской.

ОУ. Диаспорная история не работает. Я не знаю, сколько еще надо унижать народ, чтобы они хоть как-то начали друг с другом контактировать. В частности, я хочу сказать, что если она не заработает, то все-таки страна исчезнет. Надо Гумилёва почитать. Есть понятие отживших этносов, и такое тоже бывает.

Если мы не начнем друг друга видеть и собираться, то это не значит, что нас вечно бог будет покрывать.

АЧ. СТО – это Chief Technical Officer, если что.

ОУ. В таких сложных компаниях...

АЧ. Генконструкторы.

ОУ. Генконструкторы в таких сложных компаниях – это русские в очень большом проценте. И мы с ними общаемся много и давно, и то, что мы видим, рассказываем. Например, история с Илоном Маском в его системах автоматического ведения машин, ADAS так называемый, много трупов. Они поставили системы, они запустили их в эксплуатацию, они объявили, что это система четвертого уровня. На самом деле, это система второго уровня, поэтому при определенных условиях начали возникать трупы на разных дорогах мира. Начали возникать судебные процессы.

Откуда эта тема — 4-й, 2-й уровень? На большом судебном процессе американском их руководитель проекта сам раскололся, дал показания о том, что — мы наврали с уровнем автономности системы, что на самом деле у нас технология сейчас такого уровня. И это дальше повлекло целое большое расследование.

Дальше что произошло? Никто, заметьте, Маска не посадил. Они заплатили, закрыли вопрос. Никто не прекратил эксперимент с этими автомобилями. Хотя у них несоответствие. Потому что государство понимает, что есть набор опыта, полигон, и они готовы жертвовать отдельными жизнями отдельных граждан.

Есть еще пропагандистская история, что всему населению Америки крайне важно, что именно американец является иконой, флагманом мировым. Поэтому пусть он обдолбанный, пусть у него трупы на проекте, но он делает. Он воспринимается людьми, и это намного важнее для позиционирования страны, чем все остальное.

АЧ. Хотите сказать, что у нас ровно наоборот?

ОУ. У нас ровно наоборот.

СУ. Это логика СС и Гиммлера.

ОУ. Это не логика СС, это логика экономики. Это логика мотивации. Страна, у которой нет мотивации к развитию, обречена на провал.

СУ. Это разные сферы.

ОУ. Нет, нет, не разные.

СУ. То, что позволяет Маску делать эксперименты над людьми...

АЧ. При чем тут Маск? Если бы у нас условно Cognitive или сберовский автомобиль, или яндексовский задавил бы кого-нибудь, сколько бы народу село сразу?

ОУ. Абсолютно. И все бы сказали – вот, коза, блин.

АЧ. Да-да-да.

СУ. У нас очень много автомобилей под управлением мажоров задавили. И ничего, все сошло с рук.

ОУ. Я хочу сказать, что у каждого вопроса есть цена вопроса. И любой переход — страна

должна на какие-то вещи решиться. У страны должны быть свои герои. Если мы сейчас возьмем даже военную операцию, если мы возьмем широкие массы населения, они вам фамилии не назовут. Кроме [Пригожина](#), не назовут никого.

ИК. СВО – это мотивация?

ОУ. Пока нет. Нет, ее не создали. Это надо разделить.

Страна разделилась на территории. Белгород, Курск, Брянск, Крым — одна история. Москва, Петербург — другая. Сибирь — третья. Дальний Восток — четвертая. И это самое страшное из того, что происходит.

Так уже было. И это кончилось тем, что мы чуть не рассыпались.

ИК. Согласен.

ОУ. Основная историческая победа Путина – это то, что он собрал. То, что сейчас происходит — это катастрофа. Мы постоянно [ездим] в Белгород, когда там разговариваешь с людьми, то, знаете, разговоры ужасные.

СУ. Там ропот уже полным ходом.

ОУ. Да, там разговоры ужасные. И они имеют право на это. ПМЭФ и ПМЮФ — это безобразие просто. Это плевок им в лицо.

СУ. Смотрите, Ольга, я это наблюдал еще в 2015 году в ДНР. Я свою первую книгу писал в Донецке в 2015 году. И там я это очень четко замечал. Сначала был краткий патриотический всплеск — 300 стрелковцев, туда-сюда. Радость по поводу Крыма, внимание некое к Донецку.

К 2016 году территория, особенно ДНР, все-таки от Луганска отодвинули за речку и было 60 километров, тогда была эпоха артиллерии в первую очередь. Дронов почти не было.

ОУ. В таком количестве не было.

СУ. Разведдроны.

АЧ. Дронов вообще не было.

СУ. Развед- были и всякие минометы, которые наводили с помощью меток электронных. В Донецке, так как проходила по городу линия фронта, это прям чувствовалось, в самом крупном городе. А потом — к России уже... Ростов чувствовал еще как-то, что много беженцев, ездили постоянно туда-сюда, накрылась финансовая система, банки Ростовской области.

А тут уже было отчуждение очень большое. Пожив там, где-то через полгода, когда мне кто-то из Москвы звонил: ой, как дела? Прям хотелось послать подальше: типа, как дела? Сейчас я расскажу, как дела. Это просто расширение черной дыры. А сейчас я переехал в Краснодар, вижу, как это уже на Краснодар расплзается. Сначала это было только легкое ощущение. К этому надо относиться как к черной дыре, которая расплзается.

ОУ. На чем я вообще хотела остановиться. Это очень важная история. Эта зима в Белгороде. Я

дружу с митрополитом Белгородским и Старооскольским. Я заболеваю воспалением легких, со всеми делами, тяжелое воспаление легких после каких-то командировок. И я лежу, у меня 38,8, говорить не могу, и звонит митрополит. Я его [звонки] всегда беру, в каком состоянии ни была. Беру трубку, он мне говорит: «Оль, у нас — он такого вообще никогда — у нас все хреново. Полный блэкаут, мороз, минус 15, старики замерзают. Там высотки, старики ослабленные, заболевшие люди, замерзают в квартирах». Человек ложится клубочком, не хочет никуда идти, не хочет спасаться, у него первая реакция — он хочет поспать.

«И мои монахини — он собрал монахов, монахинь — они на 16 этажи [ходили] выносить на руках этих стариков в пункты обогрева. У нас жопа, у нас не хватает пунктов обогрева, у нас такая ситуация». Он мне звонит, а я только из всего этого приехала, и во мне внутри: с одной стороны, блин, мне самой хреново, у меня 38, я сейчас сама кони двину, а с другой стороны, я понимаю, что там-то хуже, Тут я в тепле. Это у меня [переключает] какой-то рычаг, я звоню двум людям, прошу их помочь, и просто вешаю [пост](#). Говорю: ребята, такая история, помогите.

За неделю собрали на несколько пунктов обогрева. Большую сумму, очень большую. В целом мы не деньгами собирали, а сразу туда везли. Часть людей просто поехала помогать, таскать. Это произошло за неделю, после одного поста. Один пост, просто пост повесила в телеге. И тогда во мне какое-то чувство [возникло], что я обратилась к людям, которым и самим хреново. Среди тех, кто помогал, разные были. Были миллионеры и были бабушки, которые со своей пенсии [переводили], тащили одеяла какие-то, подушки.

Я подумала, что страна есть. Страна есть, но того, что происходит в Белгороде, не должно такого быть.

СУ. Конечно.

ОУ. И после всего этого сейчас к ним приезжаешь — они уже устали. Я говорю: как дела? Он говорит: а как дела? Сейчас бомбили Киев, утром бомбят нас. Разбомбили это, это и это. Дети, которые привыкли уже в подвалах делать уроки и так далее. А я вспоминаю, мы начинали работать с донецкими ребятами.

СУ. Это Донецк 2017 года. Да, это он и есть.

ОУ. Это абсолютное повторение. Точно так же мы детей вытаскивали из [подвалов]. Потому что они вообще не гуляли. То же самое происходит сейчас в Белгороде. Дальше движется, дальше. А параллельно в Москве и в Петербурге проходят форумы, где средняя стоимость стенда — несколько сотен миллионов рублей. И здесь уже нечего объяснить.

СУ. Ярость закипает внутри.

ОУ. Это не ярость.

Ты наблюдаешь серьезное заболевание, про которое больной предпочитает не думать и не говорить.

СУ. Отлично. Мы прямо сейчас подошли. Я сейчас хочу, чтобы еще одну тему разобрали. Это прям про когнитивную войну и добровольчество. Одна из наших первых бесед, помните, «[Как помочь помогающим](#)». С одной стороны, на что направлены действия наших оппонентов, а с другой стороны как это воспроизводится в рамках нашего потребительско-буржуазного уклада.

Это хорошо описано в «Москва и москвичи». Часть, когда Первая мировая война, когда рестораны в Москве гудят, и вчерашние поручики, снабженцы, с цыганами в номерах, Северянин... Стихотворение Маяковского [«Вам, проживающим за оргией оргию»](#), классика жанра.

Они сами пишут, что задача когнитивной войны — это не просто победить без боя, а это внутри противника максимально расколоть и противопоставить одну часть общества другой.

В данном случае есть фронт, есть прифронтовые регионы, есть тыл и есть глубокий тыл. Нужно для начала разорвать коммуникацию между ними, противопоставить одно другому. Пока мы тут жируем... Это было очень хорошо видно даже внутри Донецка, когда бульвар Пушкина гуляет, а в районе аэропорта каждый день люди за хлебом ходят с риском погибнуть.

Вот на какую формулу я вышел, что с этим можно сделать. У нас же технологии современные, они позволяют сшивать вне зависимости от расстояния, ты можешь быть в Владивостоке, а чувствовать единство. Единственный способ человеку почувствовать связанность и эмоциональную, и интеллектуальную, это потратить три своих ресурса. Именно три, по отдельности не получается. Это время, силы и деньги.

Почему у вас получилось? Потому что не просто — скиньте на карточку. Принесите конкретно, что необходимо, поучаствуйте в этом, потратьте время. У Алексея [«Донская сеть»](#) так устроена. И вот я считаю, что разрыв...

ОУ. Все правильно, но я хочу сказать, что сейчас немножко другая стадия. Вы сейчас говорите про самоорганизацию, про то, что — мы же есть, и мы, если сверху не понимают, самоорганизуемся. Но это не бесконечно работает.

У меня мысль следующая. Дай бог, чтобы этого не было, но я как математик — я же сейчас рассказывала про слои — я как математик вижу, что, собственно говоря, стихийная модель, которая сейчас образуется, к этому идет.

Что такое самоорганизация?

Если настолько большой разрыв между концентрирующим финансы аппаратом и остальным населением страны, что тем, для того чтобы спастись, нужно самоорганизовываться, потому что этот аппарат полностью оторван от действительности, то это всегда кончается очень большой кровью,

внутренней. Это разрыв, кровь и кризис. Это кризисная история. Я сейчас поясню.

Я не знаю, насколько мы прошли точку невозврата. Правда, не знаю. Если я еще год назад считала, что мы ее не прошли, то это лето для меня, еще раз, как для математика — неочевидная вещь.

Вы говорили — три вещи, они правильные, но это тактическая функциональность. А над этим есть еще три вещи. Первая вещь. Человеческий организм так устроен, мы в принципе как система так устроены, что у нас есть один самый важный триггер — справедливость. У нас внутри есть триггер справедливости. И наша мотивация, любая, с детства начинается, с очень

маленького малыша. Несправедливо обидел — рыдать будет. Двухлетнего можно несправедливо обидеть. Если он будет считать, что он ничего плохого...

СУ. Не за дело.

ОУ. Не за дело. Это прямо трагедия, она остается в памяти на всю жизнь. И это наш базовый триггер, справедливость. Так выстроен наш вид. Это то, чем мы цепляемся друг к другу. Мы коллективные существа.

Фашизм – это разлом справедливости, когда все равны, а эти равнее. Социализм крякнулся на справедливости, когда ЦКшные блоки зажрались, и [случился] разрыв между словами и делом, на этом крякнулась вся социалистическая система. Америка погорит на справедливости, потому что разрыв у них между технократической верхушкой олигархической и остальными людьми — огромный тоже.

Первый триггер – это справедливость. Сейчас мы наблюдаем нарушение справедливости. Это надо срочно прекратить.

Это настолько стрельба себе в ногу, в голову, куда угодно. Все внутренние совещания говорят о том, что – не надо, давайте, все хорошо, не надо заводить народ. Как только человеческий организм идентифицирует [поведение системы] как вранье, система начинает работать как то, что ее пытаются уничтожить.

Если мы переходим в тему информационных систем, то ложная информация приводит к гибели системы. Ни одна система не принимает ложную информацию. Поэтому с точки зрения единой социальной системы, тема справедливости сейчас мегапроблемная. Это первая точка.

Вторая точка – вера.

Вы говорите про то, почему я там поднялась, в температуре и в соплях, с этими обогревателями. Сейчас это смотрится как глупость, между нами. Все равно бы им в какой-то момент государство довезло бы эти обогреватели. Не было бы такого, чтобы совсем не привезли, правильно? Все равно всех проблем не решишь. Белгородских стариков спасла, а брянских — нет, и курских — нет. И еще — нет. Ты что, одной задницей все проблемы хочешь решить? На расстоянии и с точки зрения общих систем это выглядит как глупость. Могла бы более эффективно потратить силы.

ИК. Как какой-то мелкий шаг.

ОУ. Но это расход ресурса, сейчас у всех же проблемы.

СУ. Это еще в вас математик говорит.

ИК. Да.

ОУ. Я просто хочу сказать, что здесь, с точки зрения больших систем, такие глупости – это единственный путь к спасению. Это то, что называется — когда ты начинаешь играть не по чужим правилам. Любой нестандартный выброс – это ты сбиваешь ту систему. То, что люди называют подвигом. Заметьте, как последние 30 лет все наезжали на тему подвига. «Вот, эти идиоты, Матросов — дебил, пошел, лег на амбразуру».

СУ. Потребителей воспитывали.

ОУ. «Ты должен жить в свое удовольствие, подвиг — это для дебилов, кому от этого стало [лучше]?», обсирались пионеры-герои, комсомольские истории, все, чему учили.

АЧ. Справедливости ради я тоже после четырех лет поездок на войну подвиги не люблю. Подвиг – это, как правило, результат чьего-нибудь, мягко выражаясь, провала.

СУ. Либо успеха врага.

ОУ. Да, но если ты этот провал не ликвидируешь, может быть, даже чрезмерной ценой, то дальше система будет рассыпаться с другой скоростью.

АЧ. Это правда. Но лучше бы воевать все-таки без них.

ОУ. Да, конечно. Я про другое. Я говорю про то, что эти нестандартные реакции – это признак того, что система еще живая. И такое держится только на вере. Это вне логики. Логика отключается, ты действуешь, потому что ты веришь. Ты веришь в людей.

АЧ. Зафиксировали: справедливость, вера и третье?

ОУ.

Третий вопрос – это энергия, то есть потенция.

Сюда вкладывается все. Сюда вкладывается экономика, логика и так далее.

Ты можешь быть прекрасным бойцом, но если тебе нечем и не с чем воевать, тебя убьют все равно.

То, что мы должны действительно от разговоров изо всех своих сил перейти к конкретным делам и жестко купировать все, что этому мешает — это вопрос сейчас уже не дискуссионный, а вопрос выживания.

Мы находимся в состоянии, когда стоит вопрос выживания. Выживания как страны, выживания как социальной группы, выживания как нации,

потому что славяне объявлены унтерменшами. Это вслух говорится, что это нация, которая не имеет права на существование. Национальное уничтожение идет.

АЧ. Как у Карпа: не все культуры одинаково полезны.

СУ. Русские уже воюют внутри своей культуры. С точки зрения культуры, это война на взаимоуничтожение.

ИК. Можно вопрос?

СУ. У меня тоже по триаде есть.

ИК. По второму пункту триады, про хак системы, про нарушение логики. Это то, что мы видели, когда Palantir или кто просчитывал варианты по Ирану, в конечном итоге ошиблись, потому что иранцы не слились.

ОУ. Иранцы – отличный пример. Я хочу сказать, что, заметьте, они победили. Это первое. А второе — то, как мы себя повели относительно своих погибших девочек и мальчиков, [расстрелянного \[колледжа\]](#).

ИК. Я понял.

ОУ. То, что произошло в ЛНР и в [Иране] — тут очень важны триггерные моменты. Люди живут точками. Ты живешь от станции до станции. Идет жизнь, потом – раз! — что-то произошло. Это концентрация энергии и эмоций. И если ты в этот момент энергию не получил, а потерял, то ты уходишь на нижний уровень, ты теряешь. То, что иранцы из своих девчонок погибших сделали народное горе.

ИК. Они на чемпионат мира вышли с их фотографиями. На матч.

ОУ. А мы завалили опять куда-то языки и ЛНРских детей просто тихо похоронили. Это такой триггерный просчет! Я не знаю, кто у нас этим занимается, но это ужасно.

СУ. Мы апеллировали к СМИ международным.

ИК. Как обычно.

СУ. Это было главное.

ОУ. Я даже не хочу это объяснять.

ИК. А второй момент. Искусственный интеллект уже способен просчитывать наши нестандартные, человеческие, human ходы? Закладывать в алгоритм подвиг противника?

ОУ. Он способен, но это зависит от того промпта, который ты ему пишешь. Как работает искусственный интеллект. Это же не божество, это система. В системе есть определённые точки входа и определённые реакции. Промпт – это набор триггерных слов. Чем точнее ты его собрал, тем точнее ты поставил задание, тем круче ты получишь результат. Для нормальных промпт-инженеров...

Я уже не различаю результат. Еще полгода назад различала, притом, что я знаю, как выстроены там связки, модель. Сейчас уже — нет. Это очень крутая история. И, скорее всего, это так же правильно и для систем управления. Это просто еще недоразвили. Очень важный момент – это создание управленческого диалога между большой моделью и человеком.

ИК. Одна надежда, что промпт-инженер с той стороны пока еще сам не понимает, что такое подвиг, чтобы заложить это в систему и думать о том, что мы это сможем сделать.

СУ. У меня есть лингвистическая корректировка по вашей триаде. Я с ней на уровне схемы согласен. Второе, то, что вы обозначили как веру. Я все-таки русский филолог по образованию, поэтому очень важно определение. То, что вы назвали «подвиг» — это же героическая история чаще всего. Однокоренное слово, и оно более правильное, это «подвижник», «подвижничество». Когда ты этим действием не геройство совершаешь, а других сподвигаешь на такую же деятельность.

СУ. Нет, Семен, именно вера, я сейчас объясню почему. Потому что в тот момент, когда человек делает что-то, он...

АЧ. Он иррационален.

ОУ. Он иррационален, и он не думает про это.

СУ. Я не про «думать».

ОУ. Но таким образом это движение происходит только благодаря вере. Это слепой механизм. Весь твой организм объясняет логически — не надо, сиди, все нормально, разберутся без тебя, [в Красной Армии штыки найдутся](#). А вот что тебя двигает? Двигает тебя только вера. Вера в то, что ты своим помогаешь. Вера в конкретных людей.

СУ. Это вы говорите про мотивацию. А я говорю, какой включается механизм.

ОУ. Это ключевое.

СУ. Подвижничество можно описать. Откуда у нас появились святые, это Алексей больше объяснит. Они же своим примером [учили] и были подвижниками. Он что-то сделал сверхъестественное, это обязательно появлялось либо в житиях, либо в былинах. Это же было и в устном народном творчестве. А это — то, что можно описать и с помощью ИИ. Примеры подвижничества вполне себе описываются.

ОУ. В смысле как материал? Ну конечно.

СУ. Конечно. Мы же говорим про ИИ, у нас все-таки общая рамка. Как можно автоматизировать. А подвижничество вполне рассказывает про Матросова, когда подвиг становится подвижничеством. Когда? Когда он становится примером для других. И второе, тоже очень важно — в языке. Мне очень не нравится, что у нас доминирует «волонтерство», слово, которое ничего не объясняет. Когда ты расшифровываешь и для себя, и для других — добрая воля, это ваш же пример.

У вас появилось не только доброе намерение, но еще и воля. Мы же четко разделяем. Когда есть доброе намерение, это — сочувствую, готов что-то сделать. А вот когда добрая воля, воля — это же всегда преодоление себя. Это для промптов будущих.

ОУ. Знаете, я, наверное, непрофессиональный писатель, поэтому я не так люблю слова, как вы.

СУ. А как промпты писать для ИИ?

ОУ. Ну, промпты — это триггеры. Они немножко по-другому [работают]. Как раз этими блоками вы его уведете. Там немножко по-другому строится.

АЧ. Вектора, да.

ОУ. Вектора. Это вы уведете.

Знаете, почему, например, стихи важнее прозы? И на протяжении почти 30 лет в стране не было стихов толком. Поэты были, но их не читали. Были отличные поэты, но их почти не читали. А где-то с начала ковида, сначала в Донецке, наверное, даже, прям пошла потребность в стихах. И сейчас она апогея достигла. Люди ищут поэтов, подняли Рыжего, Бориса, донецких ребят.

Стихи нужны, песни. Потому что определенная конструкция вызывает определенный набор эмоций. Чем точнее делаешь словесный удар, тем больше энергии высвобождается.

Концерт «Кино», который прошел сейчас, который был впервые после 1990 года, когда просто, казалось бы, вышли пожилые люди и пустили экран. 80 тысяч человек. Орали песни, как мы в 90-х. Потому что идет концентрация на слове. Слово, которое пробивает.

Мы прошли определенный цикл. И действительно, социальная ситуация вообще, в принципе, созрела. Эта триада дает потребность в переменах.

СУ. Теория искусства и особенно литературы это очень [хорошо] объясняет. Что поэзия — это не зря отдельный жанр, он же на стыке с музыкой.

Мы сегодня вспоминали Маяковского и Есенина, а был еще Игорь Северянин. Это очень хорошо отразилось столетие назад. Он же был до начала Первой мировой войны популярнейший поэт, он был самый популярный. Он как о себе писал? «[Я, гений Игорь Северянин, я повсеградно оэкранен!](#)» Он везде был. В этом смысле и Есенин, и Маяковский были маргиналы.

Но меняется ситуация. Северянин становится оплевываем, Маяковский над ним откровенно издевается:

как вы измазанной в котлете губой
похотливо напеваете Северянина!

И выходят новые поэты. Почему Маяковский и Есенин? Одна — революционно-ударная.

АЧ. Ой!

СУ. Мы как раз подошли к отличной культурной теме. А мы же ради этого.

ОУ. Я хочу вам подарить книжки. Можно? Я просто хочу, чтобы в следующий раз у нас разговор был уже не вокруг моей рецензии Пелевина.

СУ. Я вам тоже подарю свою книжку, за кадром.

ИК. Братцы, ну действительно уже время подводить итоги этому обалденному, как я считаю, разговору. Просто интереснейший разговор, на мой взгляд, был. Пойдем, как обычно, против часовой стрелки. Семен.

СУ. Мне-то проще. Я, как писатель, считаю, что все люди, которые реализовались в какой-то сфере, потом обязаны стать писателями. Другого выхода нет. Потому что [это] передача опыта, понимания, знания в каком-то концентрированном виде, а мы как человечество – «в начале было слово», я напоминаю. Книги – это способ, с которого человечество зародилось, вообще с передачи знания друг к другу.

Я считаю, что юным писателям [подходящим жанром] может быть поэзия, как чаще всего и было. Когда доходят только [до прозы]... Высоцкий только до одной книги дошел, романа

«Девочка». Хотя ему уже сколько было? За 40 глубоко.

ОУ. Ну, стихи его...

СУ. Я имею в виду, поэзия — это более молодое. Есенин — то же самое. Он только начал писать книги, и всё.

Поэтому я считаю, что каждый... Я говорю, конечно, про интеллигенцию, в широком смысле интеллигенцию. Для меня этот эфир был обалденен именно своим финалом, потому что мы подошли к самому главному. Потому что книги — это передача знаний и опыта. Я буду всячески прилагать усилия по продвижению вашего понимания и чистоты понимания. Вы — подвижник для меня. Это именно то понятие. Подвижник, который не только совершает поступки, но и других сподвигает. У нас же есть хорошее слово: «сподвигнуть» кого-то, не только себя.

Я надеюсь, что мы явимся на когнитивную войну, на которую Россия пока что не явилась, ни на внутреннем фронте, ни тем более на внешнем.

Все-таки наша задача не просто победить противника, а чтобы он сдался, а в результате все, кто насильно был поставлен под ружье, были на нашей стороне. Тем более, что в прошлой подобной войне, гражданской, мы знаем, как вливались в Красную Армию насильно мобилизованные противники из числа украинских. Они же были под флагами националистскими. По факту был атаман и пара его приспешников, а все остальные были насильно мобилизованные.

Пример, который я всегда напоминаю, что бандеровцев прошлых было не более 200 тысяч человек, а ястребков, это истребительные батальоны из числа местных жителей, которые добровольно помогали ликвидировать бандеровщину, было около полумиллиона.

Наша задача не просто победить, а это и есть когнитивная война. Для того, чтобы не просто сдался, а чтобы те, кто не совершал преступлений, перешли на нашу сторону. И вы ровно этим занимаетесь, с моей точки зрения, но нам нужно расширять фронт, в том числе и когнитивной войны, но мы должны это сдвинуть.

ИК. Не только когнитивной войны.

Ольга, когда я услышал, что ваша третья книга называется «Аминь», и вы сказали, что мы сейчас находимся в такой точке, в такой стадии, что либо сейчас, либо никогда, и уже будет поздно, конечно, все-таки хотелось бы под конец беседы лично для себя услышать более или менее положительный прогноз, чтобы появилась надежда, что не все так плохо.

АЧ.

«Надежда умирает последней», — сказала Вера, убивая Любовь.

СУ. Наш компас земной.

ОУ. Я считаю, что

у нас есть весь необходимый ресурс для победы.

У нас достаточно земельных угодий и состояние земли таково, что вопрос голода для нас абсолютно закрыт, притом, что он для остального мира не закрыт, особенно для Европы. Там истощенная земля, малоземелье, проблемы с водой и так далее. Это некоторые условия, которые нам дадены Богом, это наш плюс.

Вторая история – это высокая школа. Не смогли развалить наше образование, хотя очень старались за 40 лет, прям старались, хотели. Не смогли. Поэтому хочу сказать, что

у нас школа лучшая в мире по программированию, очень высокая по математике.

Мы действительно находимся на лидирующих [позициях]. Если мы научимся не терять наших детей по окончании обучения, и если мы научимся нормально собирать их в команды.

И третья история — это то, что

у нас весь спектр полезных ископаемых, необходимых для новых технологий:

литий и так далее. То, что является ресурсным ограничением, требующим переговоров, у нас есть на руках. У нас есть тема, собственно говоря, про что договариваться.

Поэтому

все остальное — это вопрос уже выбора. Начнем мы наконец воевать или нет? Начнем мы наконец быстро внедрять то, что научились делать или нет? Почистим ли мы действительно пятую колонну или нет?

Это личный выбор, больше ничей.

Я не считаю, что у народа нет голоса. Я считаю, что голос есть, и лучше его сейчас услышать, в мягком формате, чем дожидаться, когда он перейдет в крик.

ИК. Спасибо. Алексей.

АЧ. У меня два тезиса. Тезис первый. Мне прям откровенно не хватило разговора. Я понимаю желание Семёна завернуть всё в когнитивную войну. Понимаю, как это важно.

ИК. Но время пролетело быстро.

АЧ. Мне не хватило всё-таки разговора про ИИ и про имплементацию именно сейчас в тот набор задач, которыми я уже занимаюсь как [НПЦ «Ушкуйник»](#).

СУ. Практического разговора.

АЧ. Практического разговора. Тут много всего, что должно быть обсуждено. Особенно, кстати, в первую очередь, это тема поддержки молодых команд и того, как не дать им погибнуть на стадии прототипа.

ОУ. Если мы в следующий раз соберемся, я возьму кого-то из молодых ребят, потому что это плохо, когда старушка про молодых рассуждает. Просто чтобы мы посмотрели на них.

АЧ. У меня-то конюшня из нескольких десятков резидентов.

ОУ. Надо вытаскивать их.

АЧ. Мы сейчас проведем «[Дронницу](#)», на которой будет несколько сотен таких команд.

ОУ. Поэтому надо собрать стол с молодыми.

АЧ. И как с ними быть? А это же правда. Те, кто, что называется, пошли на первый зов, значимая часть из них уже накрылась. То есть, закрылись, уехали. Оказалось, что интерфейса для работы с ними у системы нет.

ОУ. И желания, главное, желания нет.

АЧ. Желание даже у некоторых есть. Даже когда оно появляется, то выясняется, что — глазки большие, ушки большие, а лапки короткие. Как в анекдоте про Чебурашку. Этого разговора мне не хватило, и хочется его продолжить. Установку, что большие холдинги нам всё сделают, создадут нам вундервафлю и оружие победы, надо ломать. Прямо ломать.

ОУ. Это вражеская история абсолютно.

СУ. Мы его соединим с тем, чтобы появились команды, которые артельным способом занимаются, в том числе и когнитивной войной.

АЧ. Конечно. И второе соображение, больше отвлечённое, культурологическое. У меня всё-таки базовая специальность, как ни странно, «Теория и история культуры».

Когда я смотрю на этот ужас перед искусственным интеллектом, я понимаю, какой ужас в своё время был у людей, когда была изобретена книга.

Представьте себе,

книга – это же и есть искусственный интеллект для бесписьменного человека. Это знание, оторванное от живого носителя и положенное на мёртвую материю.

ОУ. Умница. Какая идея красивая!

АЧ. И до сих пор следы этого магического ужаса перед книгой сохраняются в культуре, когда мы...

ОУ. Начинаем жечь что-нибудь.

АЧ. Да-да-да. Хотя в «Гарри Поттере» читаем про эти страшные книги, которые там...

ОУ. Да, казалось бы, говорят, все, бумажных книг уж нет.

Опять артефакты, опять борьба.

АЧ. Да-да-да, и опять костёр. Ужас этот перед книгой до сих пор есть. И тем не менее мы понимаем, какой огромный шаг смогло сделать человечество тогда, когда научилось писать, читать и тиражировать книги. И кто сказал,

может быть, этот самый ИИ пресловутый, если все-таки он окажется в добрых руках и будет использован не как средство господства плохих людей над хорошими, или хороших над плохими — никакой разницы — а для того, чтобы всем людям было хорошо. Может быть, это и здорово, что он появился.

Может быть, это и правильно. В конце концов, когда книги научились печатать, это же почти сразу привело к Тридцатилетней войне. А там, как мы помним, 7/8 населения нынешней Германии погибло, на секундочку. И тевтонскими лесами заросло всё, впервые с римских времён.

СУ. Мы-то вообще изгнали своего первого книгопечатника.

ОУ. Правда?

СУ. Фёдорова.

ОУ. Мы изгнали?

СУ. Конечно. Он во Львов переехал.

ОУ. Я не знала.

АЧ. Да-да-да, выгнали.

СУ. Не дали ему в Москве печататься.

ОУ. Ничего не меняется.

АЧ. Набежали сторонники традиционных ценностей.

СУ. Что только от руки можно [переписывать].

АЧ. Да, буквально. Выгнали бедолагу.

ОУ. Инновации в России.

АЧ. Такое, да. Поэтому я

призываю наших зрителей, слушателей, читателей, во-первых, любить книги, читать их, писать, кто может и кто в силах.

И не бояться этого страшного железного ящика, который в тебя плюется буквами. При правильном употреблении — вполне полезная в хозяйстве зверушка.

ИК. Круто.

ОУ. Закончил замечательно просто.

ИК. Спасибо. Спасибо вам огромное. Действительно был чудесный разговор, чудесный эфир. Я благодарю сердечно всех наших зрителей. Спасибо, что смотрите «Чистоту понимания». Не забудьте поставить лайк этому эфиру.

Благодарю наших ведущих. Алексея Чадаева, политолога, журналиста. Семена Уралова, политолога, журналиста и писателя. Огромная благодарность вам, Ольга. Ольга Ускова, российский предприниматель, основатель и президент группы компании Cognitive Pilot была сегодня у нас в гостях. И я надеюсь, очень надеюсь, что не последний раз.

Друзья, не забывайте про [стримы](#). Мы по вторникам еще встречаемся вечером. Напомню, в 9 часов вечера. До встречи.

**В подкасте упоминаются слова, имеющие отношение к наркотикам, употребление наркотиков наносит вред здоровью, а их хранение и распространение преследуется по закону*

[Словарь когнитивных войн](#)

[Телеграм-канал Семена Уралова](#)

[КВойны и весь архив Уралова](#)

[Группа в ВКонтakte. КВойны. Семён Уралов и команда](#)

[Бот-измеритель КВойны](#)

[Правда Григория Кваснюка](#)